

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.5.12>

УДК 930.26(470+571)

ББК 63.48(2)

ДВЕ КАТАКОМБЫ ПОЗДНЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ПАШКОВСКОГО МОГИЛЬНИКА № 2¹

Наталья Юрьевна Лимберис

Старший научный сотрудник НИИ археологии,
Кубанский государственный университет
meot@mail.ru
ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация

Иван Иванович Марченко

Кандидат исторических наук,
профессор кафедры археологии, этнологии, древней и средневековой истории,
Кубанский государственный университет
meot@mail.ru
ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена двум погребениям из Прикубанья, исследованным на Пашковском могильнике № 2, который относится к меотскому Пашковскому городищу № 1. Погребения были совершены в катакомбах, однотипных по конструкции и близких по ориентировке. Узкие входные ямы и погребальные камеры расположены на одной линии. Погребальные камеры катакомб соприкасались, что, видимо, послужило причиной разграбления несколько более раннего по времени погребения № 2. Во входной яме катакомбы № 1 находились полный скелет лошади, череп коровы и челюсть овцы. По диагонали погребальной камеры лежал вытянуто на спине скелет мужчины (около 50 лет) черепом на ЮЮЗ. При погребенном был найден следующий инвентарь: сероглиняные миска и кружка-кувшин, железные наконечник копья, длинный меч и кинжал, удила с колесовидными псалиями, серп, ножи и обувные пряжки, стеклянная бусина, бусина из меловой породы, бронзовые пряжка и фибула.

Разграбленная в древности катакомба № 2 находилась с севера от первой, южный край погребальной камеры частично прорезан катакомбой № 1. Во входной яме, расположенной с северо-восточной стороны, находились остатки скелета лошади и черепа овцы. Разбросанный в погребальной камере инвентарь представлен сероглиняной миской, кусками мела, бронзовым кольцом, фрагментами железных пряжки, стержня, накладки, серебряным височным кольцом, бронзовой накладкой на замок шкатулки, железной накидной петлей и фрагментами серебряного флакона с крышкой.

Позднесарматский обряд и инвентарь свидетельствуют о принадлежности этих погребений представителям всаднического сословия. Хронологический диапазон погребений укладывается в пределы второй половины II – середины III в. н. э. Нижняя дата катакомбы № 1 тяготеет к концу II в. н. э., верхняя ограничивается первой половиной III в. н. э. Катакомба № 2 стратиграфически более ранняя. Всаднический статус погребенного из катакомбы № 1 подтверждается данными антропологии. С большой долей вероятности его можно связать с сарматами, оседавшими на меотских городищах.

Ключевые слова: Прикубанье, меоты, сарматы, грунтовый могильник, катакомба, меч, фибула.

В 2012 г. в процессе работ по мониторингу археологических памятников Краснодарской археологической экспедицией КубГУ на Пашковском могильнике № 2 были обнаружены два интересных погребения позднесарматского времени. Этот могильник относится к меотскому Пашковскому городищу № 1, полностью уничтоженному во время строительства Краснодарского водохранилища в конце 60-х – середине 70-х гг. прошлого века. Известно, что первооткрыватели этих памятников М.В. Покровский и Н.В. Анфимов в конце 20-х – начале 50-х гг. раскопали и доследовали на могильнике не менее 17 погребений I–III вв. н. э. Регулярных целенаправленных раскопок на могильнике никогда не проводилось. В настоящее время этой территории грозит полная застройка.

Погребения, исследованные в 2012 г., были совершены в катакомбах, однотипных по конструкции и близких по ориентировке (рис. 1). Узкие входные ямы (ВЯ) и погребальные камеры (ПК) расположены на одной линии. Погребальные камеры катакомб соприкасались, что, видимо, послужило причиной разграбления несколько более раннего по времени погребения № 2.

Катакомба № 1 имела удлиненно-прямоугольную ВЯ, ориентированную длинной осью по линии ВСВ–ЗЮЗ, дно ее немного понижалось к ЗЮЗ, где выделялся дромос, обрывающийся в ПК вертикальной ступенькой высотой 46 см. Длина ВЯ с дромосом – 1,7 м, ширина – 0,85 м, глубина от прослеженного уровня – 9 см; длина дромоса – 0,85 м, ширина дромоса у края погребальной камеры – 0,9 м. ПК в плане удлиненно-овальная, незначительно смещена к югу по отношению к ВЯ, северо-северо-западный край сливался с юго-юго-восточным краем ПК катакомбы № 2. Размеры по дну: длина – 2 м, сохранившаяся ширина – 1,2 м. Глубина от прослеженного уровня до дна в середине камеры – 1,05 м.

Во ВЯ был расчищен полный скелет лошади, который лежал на правом боку, с подогнутыми ногами, черепом к входному отверстию. На костях левой передней ноги находились череп коровы и фрагменты челюсти овцы. По диагонали ПК лежал вытянуто на спине скелет мужчины (около 50 лет)², ориентированный черепом на

ЮЮЗ. Руки были вытянуты вплотную к туловищу. Правая кисть лежала ладонью вниз, левая – на ребре, первые фаланги подогнуты. Ноги были вытянуты, стопы развернуты пятками внутрь. У правого плеча стояла сероглиняная миска (рис. 1, катакомба № 1, 1; см. также: рис. 3, 1), а внутри нее – сероглиняная кружка-кувшин (рис. 1, катакомба № 1, 2; рис. 3, 5). Слева вдоль скелета лежали железные наконечник копья (рис. 1, катакомба № 1, 3; рис. 2, 7), длинный меч (рис. 1, катакомба № 1, 4; рис. 2, 14) и кинжал (рис. 1, катакомба № 1, 5; рис. 2, 5). На длинном мече находились бусина из глухого белого стекла (рис. 1, катакомба № 1, 6; рис. 2, 3), маленькая бронзовая пряжка (рис. 1, катакомба № 1, 7; рис. 2, 1), и крупная бусина из меловой породы (рис. 1, катакомба № 1, 8; рис. 2, 2). Слева на нижних концах ребер и предплечье лежала бронзовая фибула (рис. 1, катакомба № 1, 9; рис. 2, 4), около правой плечевой кости – железные удила с колесовидными псалями (рис. 1, катакомба № 1, 10; рис. 2, 13). На правом тазобедренном суставе лежал фрагмент клинка железного ножа (рис. 1, катакомба № 1, 11; рис. 2, 8), у правой кисти – железный серп (рис. 1, катакомба № 1, 12; рис. 2, 9). На голеностопных суставах находились фрагменты железных пряжек (рис. 1, катакомба № 1, 13, 14; рис. 2, 10–12). Под средней частью клинка длинного меча был обнаружен железный нож (рис. 2, 6).

Ограбленная в древности катакомба № 2 находилась с севера от первой. Расстояние между входными ямами катакомб – 0,4–0,8 м, южный край ПК был частично (не до дна) прорезан ПК катакомбы № 1. ВЯ катакомбы № 2 ориентирована по линии СВ–ЮЗ, немного расширялась в средней части. Дно понижалось к ЮЗ. Начало дромоса выделено узкой ступенькой шириной 5 см и высотой 16 см, расположенной на расстоянии 1,1 м от северо-восточной стенки ВЯ. Ступенька вертикально обрывалась в дромос. Длина ВЯ со ступенькой – 1,28 м, ширина в средней части – 1,15 м. Длина дромоса – 0,55 м, ширина на уровне ВЯ – 1 м, у входа в ПК – 1,15 м. ПК на уровне дна имела неправильную трапециевидную форму. Длина – 2,4 м, ширина в средней части – 1,62 м.

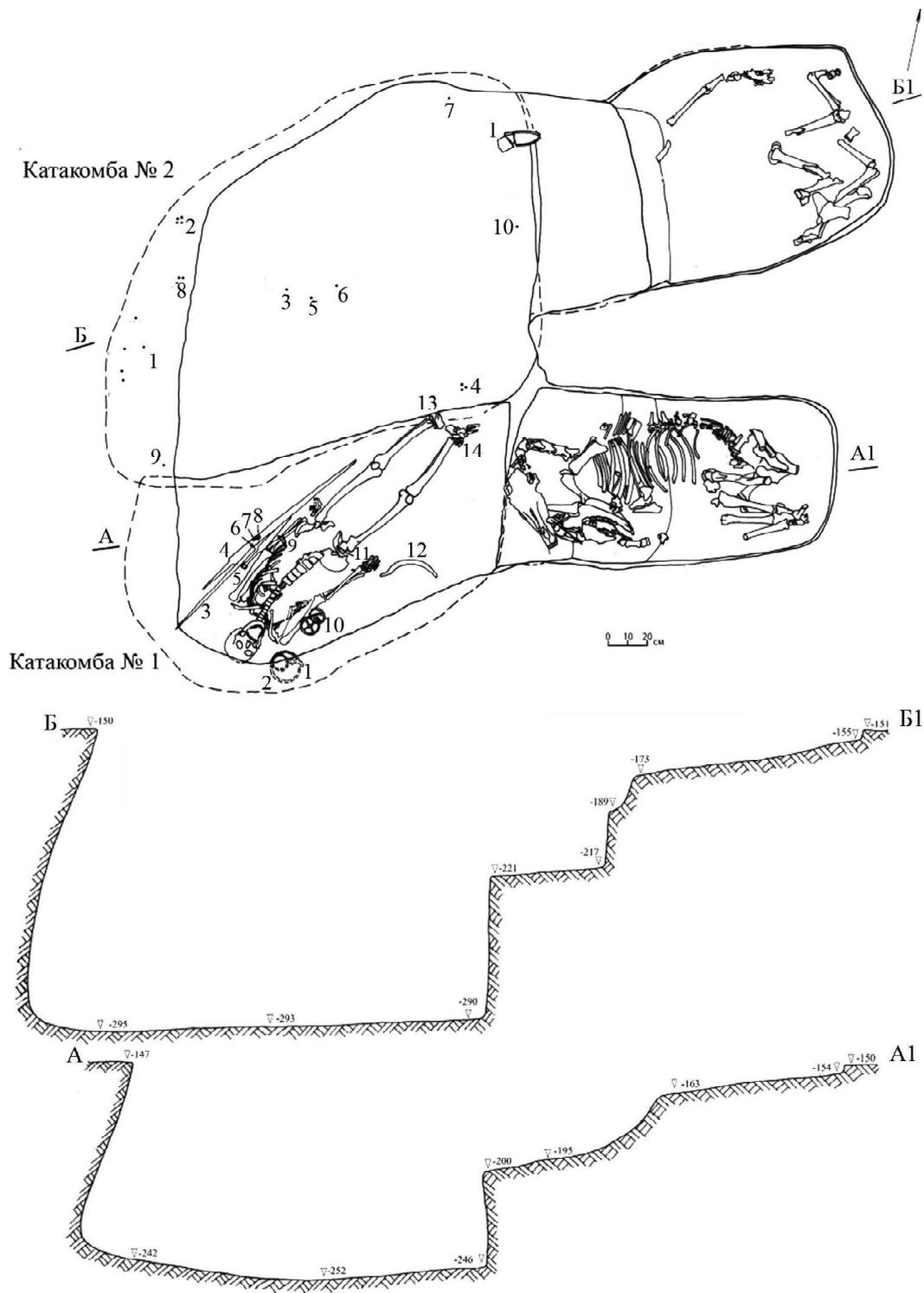

Рис. 1. Планы и разрезы катакомб № 1 и 2 из Пашковского могильника № 2:

- катакомба № 1: 1 – миска сероглиняная; 2 – кружка-кувшин сероглиняная; 3 – наконечник копья железный; 4 – меч железный; 5 – кинжал железный; 6 – бусина стеклянная; 7 – пряжка бронзовая; 8 – темляк каменный; 9 – фибула бронзовая; 10 – удила железные; 11 – нож железный; 12 – серп железный; 13, 14 – фрагменты железных пряжек;
- катакомба № 2: 1 – фрагменты миски сероглиняной; 2 – мел; 3 – кольцо бронзовое; 4 – фрагменты железных предметов; 5 – височное кольцо серебряное; 6 – пластина от шкатулки бронзовая; 7 – накидная петля железная; 8 – фрагменты серебряного сосуда; 9 – крышка флакона серебряная; 10 – зуб человека

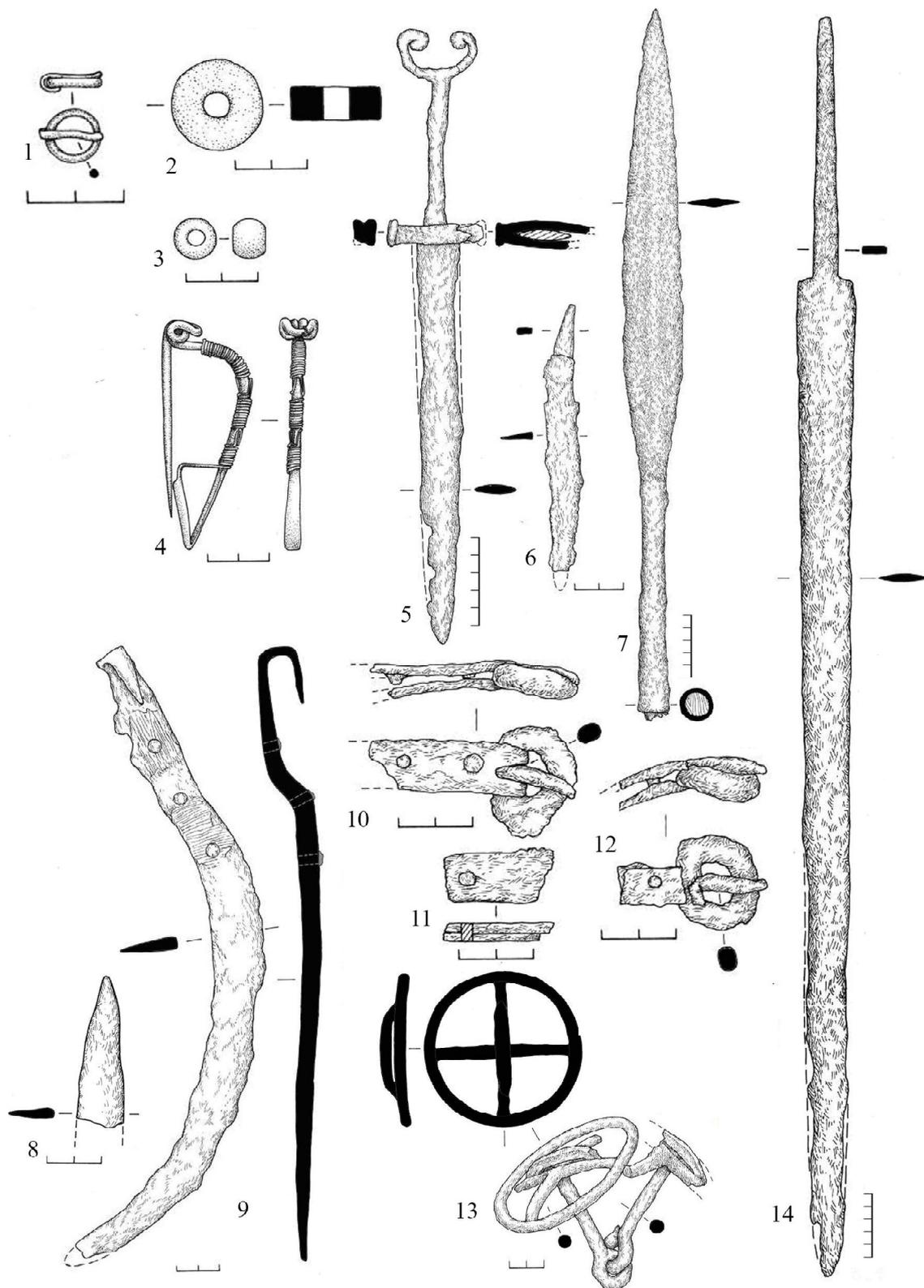

Рис. 2. Инвентарь катакомбы № 1:

- 1 – пряжка бронзовая портупейная; 2 – бусина из меловой породы; 3 – бусина стеклянная;
 4 – фибула бронзовая; 5 – кинжал железный; 6 – нож железный (под железным мечом – см. рис. 1, катакомба № 1, 4);
 7 – наконечник копья железный; 8 – фрагмент железного ножа; 9 – серп железный;
 10–12 – пряжки обувные железные; 13 – удила с колесовидными псалями железные; 14 – меч железный

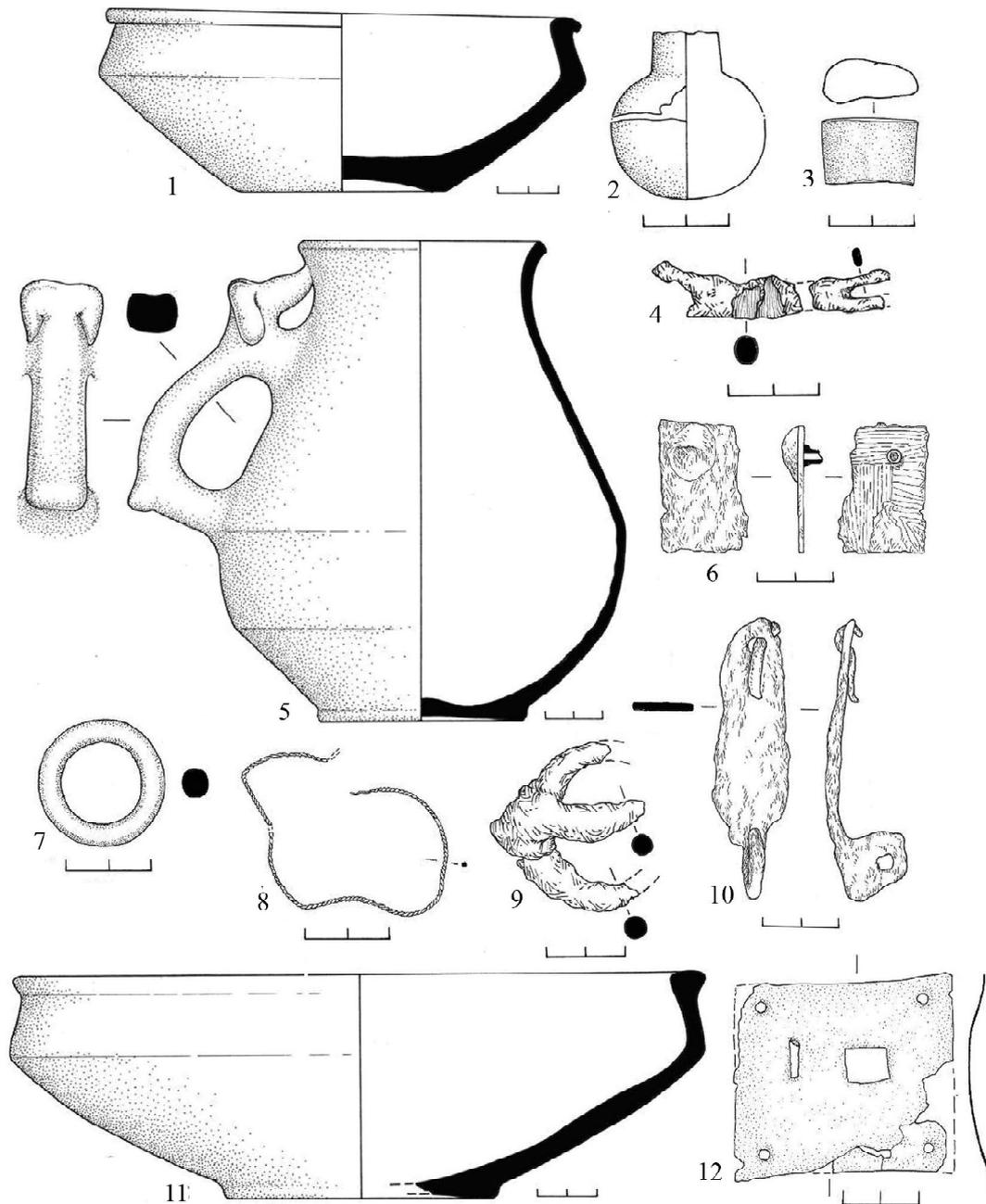

Рис. 3. Инвентарь Пашковского могильника № 2:

из катакомбы № 1: 1 – миска сероглиняная; 5 – кружка-кувшин сероглиняная;
из катакомбы № 2: 2 – части серебряного флакона; 3 – крышка серебряного флакона;
4 – стержень с раздвоенными концами; 6 – накладка железная; 7 – кольцо бронзовое;
8 – кольцо височное серебряное; 9 – пряжка железная; 10 – петля накидная железная от шкатулки;
11 – миска сероглиняная; 12 – накладка от шкатулки бронзовая

Во ВЯ находились кости таза, задних и левой передней ног лошади в анатомическом порядке. Остальные кости, вероятно, были выброшены при разграблении катакомбы. Судя по сохранившимся *in situ* костям, лошадь лежала на животе с подогнутыми ногами. В заполнении были расчищены остатки черепа

овцы, а перед входом в ПК – часть сероглиняной миски (рис. 1, катакомба № 2, 1; рис. 3, 11), выброшенной грабителями. Фрагменты этой же миски были разбросаны в заполнении ПК вдоль юго-западной стенки. ПК была полностью разграблена в древности. В заполнении на разных уровнях были обнаружены ос-

татки погребального инвентаря: четыре небольших куска мела (рис. 1, катакомба № 2, 2); бронзовое кольцо (рис. 1, катакомба № 2, 3; рис. 3, 7); фрагменты железных пряжки (рис. 3, 9), стержня с раздвоенными концами (рис. 3, 4), накладки (рис. 3, 6) (см.: рис. 1, катакомба № 2, 4); два фрагмента серебряного височного кольца (рис. 1, катакомба № 2, 5; рис. 3, 8); бронзовая накладка на замок шкатулки (рис. 1, катакомба № 2, 6; рис. 3, 12); железная накидная петля от шкатулки (рис. 1, катакомба № 2, 7; рис. 3, 10); части серебряного флакона и его крышки (рис. 1, катакомба № 2, 8, 9; рис. 3, 2, 3). У стенки перед входом был найден зуб человека (рис. 1, катакомба № 2, 10).

Сопутствующие захоронения лошадей и погребальный инвентарь свидетельствуют о принадлежности этих катакомб представителям всаднического сословия. В катакомбе № 1 присутствовал комплект вооружения, состоящий из кинжала, длинного меча, наконечника копья и двух ножей, а также удила с колесовидными псалями.

Кинжал (длина – 33,6 см) с волютообразным навершием и прямым перекрестьем находит аналогии в памятниках среднесарматской культуры. И.В. Сергацков в своей работе, посвященной среднесарматским мечам и кинжалам, отмечал, что такие мечи и кинжалы представлены небольшой серией в памятниках Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья, причем наиболее ранние экземпляры он отнес к позднепрохоровскому времени. В целом автор датировал этот тип мечей II в. до н. э. – началом III в. н. э., отметив при этом, что нет никаких оснований для узких датировок. Правда, он оговаривал, что у позднесарматских кинжалов из Сидор и Барановки навершия изготовлены из бронзы [23, с. 61–62]. А.В. Симоненко в своей монографии указывает на находки трех кинжалов и одного меча с волютообразным навершием из Северного Причерноморья и приводит еще 12 аналогий этого типа вооружения из различных районов Сарматии. Однако он не определяет хронологические рамки бытования кинжалов, а дает лишь датировки комплексов, но, судя по тексту, самые ранние экземпляры он относит ко II в. до н. э., а основную массу датирует среднесарматским временем. Меч из Зубовского кургана, как

справедливо заметил А.В. Симоненко, нельзя отнести к этому типу, так как его навершие является имитацией волноты [24, с. 26–31]. Таким образом, основная коллекция кинжалов с волютообразным навершием датируется среднесарматским временем. На сегодняшний день в Прикубанье кинжал из Пашковского могильника является единственной находкой такого типа оружия.

Двуручный меч без перекрестья и навершия с очень длинной и тонкой рукояткой-штырем (общая длина – 103,2 см, длина насада – 21 см, толщина насада – 1–2 см) относится к типу, редко встречающемуся в меотских погребениях. Меотские мечи обычно не столь длинные и имеют более короткую рукоять. Нам известно несколько экземпляров длинных мечей из меотских памятников. Два погребения с такими мечами зафиксированы в могильнике Старокорсунского городища № 2 (33в, 35в). В погребении 33в вместе с мечом найдены две пары удил с колесовидными и С-видными псалями и железный серп, как и в пашковской катакомбе № 1. Еще один длинный меч с плоской рукояткой происходит из сарматского подбойного захоронения № 160/161 середины III в. н. э. грунтового могильника меотского городища Спорное, сопровождавшегося лошадьми с конской упряжью, наконечником копья и серпом [15, с. 110–113, рис. 2, 3, 4; рис. 3, 11].

Мечи без металлического навершия и перекрестья характерны для позднесарматского времени, хотя, как показал А.С. Скрипкин, они появились еще в раннесарматское время [25, с. 132, 133]. По классификации А.М. Хазанова, пашковский меч относится к типу 3. Основание клинка мечей этого типа образует прямой угол с рукояткой. Исследователь считает, что такие мечи сменяют второй тип с плавным переходом от клинка к рукояти, и датировал их III–IV вв. н. э. [27, с. 17, 20]. М.В. Кривошеев, проанализировав находки мечей из Поволжья, пришел к выводу о сосуществовании мечей второго и третьего типов с середины II в. н. э. [10, с. 67]. С.И. Безуглов обратил особое внимание на очень большую длину рукоятей позднесарматских мечей [3, с. 171]. Тем не менее у всех известных нам экземпляров рукояти более короткие, чем у меча из пашковской катакомбы № 1, и, как правило,

довольно широкие, плоские, прямоугольного сечения. По длине рукояти с ними можно сопоставить только мечи из погребений № 10 и 12 «меото-сарматского» могильника у хут. Городского в Закубанье, которые исследователь этого памятника А.А. Сазонов датировал второй половиной – концом II в. [22, с. 250, 257, рис. 11, 1; рис. 12, 1]. Но эти мечи отличаются заметно скошенным по сторонам основанием клинка и расширением, как бы имитирующим перекрестье.

На верхней части клинка меча лежали маленькая бронзовая круглорамчатая пряжка с коротким прогнутым язычком (диаметр – 1,05 см) и округлая бусина из глухого белого стекла (диаметр – 1,1 см), которые могли служить деталями портупейных ремней, возможно, как и крупная дисковидная бусина из меловой породы (диаметр – 2,5 см), найденная рядом [3, с. 172, 178]. Вероятным кажется и предположение, что каменная бусина подвешивалась к рукояти меча как украшение. Так или иначе, ее местоположение исключает использование в качестве навершия.

Маленькие бронзовые пряжки, аналогичные портупейной пряжке из пашковской катакомбы № 1, происходят из подкурганых катакомб второй половины II – середины III в. н. э. могильника Брут 2. Причем пряжка из кургана 10 входила в комплект обувного набора [7, рис. 132, 18, 19].

Наконечник копья (длина – 57,6 см, длина втулки – 19,6 см) относится к отделу II, типу 1, подтипу IV, варианту 2 по нашей классификации. Ранее самые поздние известные экземпляры таких наконечников из меотских могильников датировались I в. н. э. [12, с. 158, табл. 1, 2]. Значительная длина и массивность наконечника свидетельствуют о том, что всадник был вооружен длинной тяжелой пикой.

Удила из катакомбы № 1 имеют жесткозакрепленные на концах грызел колесовидные псалии с узкой прямоугольной петлей, приваренной к одной из осей. В Прикубанье в настоящее время это пока единственный надежно документированный комплекс с псалиями подобной конструкции. Предположительно, к этому же типу можно отнести удила с неподвижными «колесами» из упомянутого погребения № 160/161 могильника городища Спорное, но следы петель на них отсутствуют [15,

с. 111, 113, рис. 2, 3]. Также трудно однозначно атрибутировать удила из могильника у хут. Городского, хотя, насколько можно судить по мелкомасштабным рисункам в публикации, колесовидные псалии из погребений № 8 и 10 имеют петли прямоугольных очертаний. Важно отметить, что в погребении № 10 присутствовал длинный меч с двуручной рукоятью-штырем, о котором уже говорилось [22, с. 251, рис. 9, 11; рис. 11, 1, 6].

Появление удил с жесткими колесовидными псалиями и прямоугольными петлями (серия 2 по И.Р. Ахмедову) в позднесарматских памятниках Нижнего Дона и Северного Кавказа В.Ю. Малашев относит к выделенной им хронологической группе Па первой половины – середины III в. н. э. Комплексы из Городского он считает синхронными, но тоже сомневается в точной атрибуции удил [16, с. 209, 210; 7, с. 125, рис. 41, 2]. На наш взгляд, нельзя исключить возможности более раннего появления таких удил в сарматской среде. К примеру, хронологический диапазон погребения 1 из кургана 8 могильника Высочино-II, где были встречены удила этой серии, по предположению исследователей, ограничивается второй половиной II – первой половиной III в. н. э. [5, с. 30, табл. XXV, 5]. Вероятно, следует учесть и то обстоятельство, что в позднескифских памятниках Крыма присутствие удил с псалиями аналогичной конструкции (тип 2, вариант Б по А.Е. Пуздровскому) зафиксировано примерно с середины II в. н. э. [9, рис. 8, 4; 19, с. 137, рис. 11, 4; 20, с. 142, рис. 105, I, II; рис. 108, III]. В Прикубанье колесовидным псалиям с прямоугольной петлей предшествовали псалии с круглой петлей, также приваренной непосредственно к крестовине. Четыре пары удил с такими псалиями известны из погребения сарматского всадника второй половины I – начала II в. н. э. на могильнике Старокорсунского городища № 2 [14, с. 154, рис. 4, 4, 5, 8, 9].

На левом предплечье рядом с кинжалом находилась бронзовая лучковая подвязная фибула (серия I, вариант 4 по А.К. Амброзу или серия I, вариант 4, форма 1 по В.В. Кропотову). Этот тип застежек был повсеместно распространен на юге Восточной Европы в позднесарматское время, до второй половины III в. н. э. [1, с. 50, 51; 11, с. 77, 80, рис. 36, 37, 39]. Для них чрезвычайно ха-

рактерна фигурная обмотка спинки. Фибулы с фигурной обмоткой, совершенно аналогичные найденной в пашковской катакомбе № 1, являются массовым материалом в позднескифских склепах Крыма конца II – первой половины III в. н. э. [18, с. 256, рис. 18, 1; 20, с. 191, 193, 195, рис. 200, 11, 12, 15]. Известны они и в богатых погребениях сарматских «всадников» Подонья из могильников Камышевский I, Центральный VI и Валовый, верхняя датировка которых не выходит за середину III в. н. э. [3, рис. 4, 8; рис. 5, 6; 4, с. 92, рис. 28, 6; рис. 39, 1; 16, с. 200, 209, рис. 1, 5, 13]. В могильнике у хут. Городского, комплексы которого во многом сближаются со степной группой воинских погребений, три фибулы с фигурной обмоткой спинки были найдены в погребении № 2 вместе с эмалевыми римскими застежками, позволяющими отнести данное захоронение к концу II в. н. э. [22, с. 254, 257, рис. 3, 7, 8, 11 з, д, 12; 31, S. 389, Kat. 192, Taf. 200, 201]. Положение фибул рядом с мечом отмечено в нескольких позднесарматских комплексах. Назначение их, казалось бы, не вызывает сомнений, но, по наблюдению С.И. Безуглова, воины, погребенные с длинными мечами, «редко использовали фибулы в costume» [3, с. 172].

Пряжки железные круглорамчатые с длинными щитками-обоймами принадлежат к обувной гарнитуре, о чем свидетельствует их местонахождение на скелете. Пряжки этого типа характерны для второй половины II – середины III в. н. э. и были широко распространены в это время от Крыма до Кавказа, но в погребениях не всегда достоверно связываются с обувными наборами [9, с. 86, рис. 9, 10, 11; 7, с. 123, рис. 132, 5–8, 10–12].

Захоронение в катакомбе № 2, судя по сохранившимся остаткам инвентаря, также сопровождалось довольно престижными вещами, соответствующими нерядовому социальному статусу погребенного в ней человека.

Бронзовая замковая пластина и железная накидная петля свидетельствуют о том, что среди предметов инвентаря разграбленной катакомбы находилась деревянная шкатулка с откидной крышкой. Производство таких шкатулок в I–IV вв. н. э. было массово налажено на Боспоре [26, с. 129–132], откуда

эти изделия распространялись по всему северопричерноморскому региону. Подобные детали шкатулок являются особенно частой находкой в позднескифских памятниках Крыма I–III вв. н. э. и характерны главным образом для захоронений знатных женщин [6, с. 310, рис. 3, 1; рис. 7, 6–8; 18, рис. 11, 1; 20, с. 154–155, рис. 131; 21, с. 209, 211, 214, рис. 8, 1–3, 9–13; 28, с. 41–42, 52–53, рис. 4, 20; рис. 8, 28; 29, с. 40, рис. 36, 3, 5]. Нередко встречаются они и в погребениях кочевого и оседлого населения Дона и Кубани, как с оружием, так и без него, датирующихся в рамках середины II – середины III в. н. э. [2, с. 40, 53–54, кат. 269, 271, табл. 48, 605, 608; табл. 67, 865, 856, 857; 8, с. 37, табл. 5, 50, кат. 67, 491; 4, с. 42, 113, рис. 22, 1, 2; 22, с. 252–253, 257, рис. 2, 16a–e, 18a–d].

От серебряного флакона сохранились две части, позволившие сделать его реконструкцию, и цилиндрическая крышка, верх которой утрачен. Подобные флакончики с округлым туловом и цилиндрическим горлом, изготовленные из бронзы, серебра, золота и даже кости, представляют собой типично сарматскую форму сосудов для благовоний. Особенно характерны они для средне- и позднесарматских погребений Волги и Дона. В основном встречаются небогато орнаментированные и гладкие экземпляры, подобные пашковскому флакону [4, с. 34, с. 113, рис. 16, 3; 5, с. 28, табл. XIII, 16; 17, с. 200, табл. 80, 51, 56, 57; 30, с. 35–38, 81, табл. XL, 5, 6]. Из памятников Кубани можно привести находку II в. н. э. из Усть-Лабинского кургана № 42 Золотого кладбища [8, с. 33, табл. 51, кат. 440] и два одинаковых флакончика из упоминавшегося уже погребения № 2 конца II в. н. э. могильника у хут. Городского [22, с. 253, 257, рис. 3, 11б; 31, S. 389, Kat. 192, Taf. 200, 201].

Позднесарматский обряд, характерный набор оружия и другого инвентаря в целом позволяют определить хронологический диапазон обоих погребений в пределах второй половины II – середины III в. н. э. Более-менее узко датирующимся предметом выглядит фибула, по которой нижняя дата катакомбы № 1 тяготеет к концу II в. н. э., а верхняя ограничивается первой половиной III в. н. э. Катакомба № 2 по данным стратиграфии занимает более раннюю позицию.

Появление подбойно-катакомбного обряда захоронений на меотских могильниках мы уверенно связываем с процессом оседания кочевников-сарматов на землю [13, с. 102; 15, с. 113]. В очередной раз это подкрепляется антропологическими исследованиями. По предварительному заключению М.А. Балабановой, мужчину, погребенного в катакомбе № 1, с большой степенью вероятности можно отнести к сарматам. Сильная изношенность поясничных и шейных позвонков указывает на комплекс всадничества. Однако по сравнению с поздними сарматами Поволжья на его костях слабее выражены дегенеративно-дистрофические изменения. По-видимому, это связано с тем обстоятельством, что сарматы, селившиеся на меотских городищах, переставали вести активный кочевой образ жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ и администрации Краснодарского края, проект № 14-11-23008 «Фибулы из меотских погребений правобережья Кубани».

² Благодарим доктора исторических наук, профессора ВолГУ М.А. Балабанову за антропологические определения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амброз, А. К. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. / А. К. Амброз. – М. : Наука, 1966. – 111 с., илл. – (САИ; Д1-30).
2. Арсеньева, Т. М. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981–1995 гг. / Т. М. Арсеньева, С. И. Безуглов, И. В. Толочко. – М. : Палеограф, 2001. – 274 с., илл.
3. Безуглов, С. И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) / С. И. Безуглов // Сарматы и их соседи на Дону : Материалы и исследования по археологии Дона. – Ростов н/Д : Терра, 2000. – № 1. – С. 169–193.
4. Безуглов, С. И. Позднесарматские погребения в устье Дона (курганный могильник Валовый I) / С. И. Безуглов, В. П. Глебов, И. И. Парусимов. – Ростов н/Д : Медиа-Полис, 2009. – 126 с.
5. Беспалый, Е. И. Древнее население между речья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Высочино / Е. И. Беспалый, С. И. Лукьяшко. – Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. – 220 с. – (Материалы и исследования по археологии Юга России ; вып. 1).
6. Волошинов, А. А. Два комплекса с римскими импортами из Краснознаменского некро-

поля / А. А. Волошинов, В. В. Масыкин, И. И. Неневоля // Древняя Таврика : Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высотской. – Симферополь : Универсум, 2007. – С. 303–318.

7. Габуев, Т. А. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа / Т. А. Габуев, В. Ю. Малашев. – М. : Таус, 2009. – 468 с. – (Материалы и исследования по археологии России ; № 11).

8. Гущина, И. И. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье / И. И. Гущина, И. П. Засецкая. – СПб. : Фарн, 1994. – 172 с.

9. Зайцев, Ю. П. Элитный некрополь 2 в. н. э. у центральных ворот Неаполя Скифского / Ю. П. Зайцев, В. И. Мордвинцева // Древняя Таврика : Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высотской. – Симферополь : Универсум, 2007. – С. 81–108.

10. Кривошеев, М. В. Вооружение позднесарматского времени Нижнего Поволжья / М. В. Кривошеев // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология : доклады к VI Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», 21–25 апр. 2008 г., г. Челябинск. – Челябинск : Южно-Уральский государственный университет, 2007. – С. 65–70.

11. Кропотов, В. В. Фибулы сарматской эпохи / В. В. Кропотов. – Киев : АДЕФ-Украина, 2010. – 384 с., илл.

12. Лимберис, Н. Ю. Типология и хронология меотских железных наконечников копий из памятников правобережья Кубани / Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко // Материалы и исследования по археологии Кубани. – Вып. 6. – Краснодар : Кубанский государственный университет, 2006. – С. 152–181.

13. Лимберис, Н. Ю. Подбойно-катакомбные погребения из меотских могильников правобережья Кубани / Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии : материалы VI Международной научной конференции (11–15 мая 2011 г., Ростов-на-Дону, Кагальник). – Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – С. 98–112.

14. Лимберис, Н. Ю. Погребение сарматского всадника на некрополе меотского городища / Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко // Евразия в скифо-сарматское время : Памяти Ирины Ивановны Гущиной : Труды ГИМ. – Вып. 191. – М. : Государственный исторический музей, 2012. – С. 144–154.

15. Лимберис, Н. Ю. Всадническое погребение с умбоном из Среднего Прикубанья / Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко // В поисках Ойума. «Пути народов». Stratum plus. – 2013. – № 4. – С. 105–115.

16. Малашев, В. Ю. Периодизация ремесленных гарнитур позднесарматского времени / В. Ю. Малашев // Сарматы и их соседи на Дону : Материалы и исследования по археологии Дона. – Вып. 1. – Ростов н/Д : Терра, 2000. – С. 194–232.

17. Мошкова, М. Г. Среднесарматская культура / М. Г. Мошкова // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1989. – С. 191–202.

18. Позднескифский некрополь Заветное (Алма-Кермен) 1–3 вв. н. э. в Юго-Западном Крыму. Раскопки 2004 г. / Ю. П. Зайцев, А. А. Волошинов, Э. Кюнелът, В. В. Масыкин, В. И. Мордвинцева, К. Б. Фирсов, Ф. Флесс // Древняя Таврика: Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высотской. – Симферополь: Универсум, 2007. – С. 249–290.

19. Пуздровский, А. Е. Погребения Битакского могильника первых веков н. э. с оружием и конской уздой / А. Е. Пуздровский // Поздние скифы Крыма: труды Государственного Исторического музея. – Вып. 118. – М.: Государственный исторический музей, 2001. – С. 122–140.

20. Пуздровский, А. Е. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники / А. Е. Пуздровский. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. – 480 с., илл.

21. Пуздровский, А. Е. Грунтовый склеп 1–2 вв. н. э. с предметами из дерева из Усть-Альминского некрополя / А. Е. Пуздровский, А. Е. Соломоненко // Древняя Таврика: Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высотской. – Симферополь: Универсум, 2007. – С. 207–228.

22. Сазонов, А. А. Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского / А. А. Сазонов // Вопросы археологии Адыгеи. – Майкоп: Адыгейский НИИ экономики, языка, литературы и истории, 1992. – С. 244–274.

23. Сергацков, И. В. Мечи и кинжалы в среднесарматских памятниках Нижнего Поволжья / И. В. Сергацков // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: Доклады к VI Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». – Челябинск: Южно-Уральский государственный университет, 2007. – С. 58–64.

24. Симоненко, А. В. Сарматские всадники Северного Причерноморья / А. В. Симоненко. – СПб.: Нестор-История, 2010. – 328 с., илл. – (Серия «Historia Militaris»).

25. Скрипкин, А. С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект / А. С. Скрипкин. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1990. – 298 с.

26. Сокольский, Н. И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья / Н. И. Сокольский. – М.: Наука, 1971. – 200 с., илл. – (Материалы и исследования по археологии СССР; № 178).

27. Хазанов, А. М. Очерки военного дела сарматов / А. М. Хазанов. – М.: Наука, 1971. – 171 с.

28. Храпунов, И. Н. Две могилы с погребениями женщин из некрополя Нейзац / И. Н. Храпунов // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Вып. XIII. – Симферополь: Крымское отделение Института востоковедения им. А. Е. Крымского Национальной академии наук Украины, 2007. – С. 31–55.

29. Храпунов, И. Н. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац / И. Н. Храпунов // Исследования могильника Нейзац. – Симферополь: Доля, 2011. – С. 13–113.

30. Шелов, Д. Б. Некрополь Танаиса (раскопки 1955–1958 гг.) / Д. Б. Шелов. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 94 с., илл. – (Материалы и исследования по археологии СССР; № 98).

31. Marčenko, I. I. Römische Importe in sarmatishen und maiotishen Denkmälern des Kubangebietes / I. I. Marčenko, N. Ju. Limberis // Archaologie in Eurasien, 25. – Mainz: P. von Zabern (DAI Eurasien-Abteilung), 2008. – S. 262–400, ill.

REFERENCES

1. Ambroz A.K. *Fibuly yuga evropeyskoy chasti SSSR II v. do n.e. – IV v. n.e.* [Fibulae of the Southern European Part of the USSR in the 2nd Century B.C. – 4th Century A.D.]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 111 p. (USSR Archaeology. Corpus of Archaeological Sources; D1-30).

2. Arsenyeva T.M., Bezuglov S.I., Tolochko I.B. *Nekropol Tanaisa. Raskopki 1981-1995 gg.* [Necropolis of Tanais. Excavations of 1981-1995]. Moscow, Paleograf Publ., 2011. 274 p.

3. Bezuglov S.I. *Pozdnesarmatskie mechi (po materialam Podonzhya)* [The Late Sarmatian Swords (Exemplified by the Don Region)]. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu. Materialy i issledovaniya po arkheologii Dona* [Sarmatians and Their Neighbours in the Don Region. Materials and Research on Don Archaeology]. Rostov-on-Don, Terra Publ., 2000, no. 1, pp. 169-193.

4. Bezuglov S.I., Glebov V.P., Parusimov I.N. *Pozdnesarmatskie pogrebeniya v ustye Dona (kurgannyi mogilnik Valovyy I)* [Late Sarmatian Burials in the Mouth of the Don River (Valovyy I Burial Mound)]. Rostov-on-Don, Media-Polis Publ., 2009. 126 p.

5. Bepalyy E.I., Lukyashko S.I. *Drevnee naselenie mezhdurechya Dona i Kagalnika. Kurgannyi mogilnik u s. Vysochino* [Ancient Population of the Don and Kagalnik Interfluvium. Burial Mound at Vysochino Village]. Rostov-on-Don, YuNTs RAN Publ., 2008. 220 p. (Materials and Research on Archeology of the South of Russia; iss. 1).

6. Voloshinov A.A., Masyakin V.V., Nenevolya I.I. *Dva kompleksa s rimskimi importami iz*

Krasnoznamenskogo nekropolya [Two Complexes With Roman Imports From Krasnoznamensky Necropolis]. *Drevnyaya Tavrika: Posvyashchaetsya 80-letiyu Tatyany Nikolaevny Vysotskoy* [Ancient Taurica. Dedicated to the 80th Anniversary of Tatyana Nikolaevna Vysotskaya Birth]. Simferopol, Universum Publ., 2007, pp. 303-318.

7. Gabuev T.A., Malashev V.Yu. *Pamyatniki rannikh alan tsentralnykh rayonov Severnogo Kavkaza* [Early Alanian Sites of the Central Regions of North Caucasus]. Moscow, Taus Publ., 2009. 468 p. (Materials and Research on Archeology of the South of Russia; iss. 1).

8. Gushchina I.I., Zasetskaya I.P. "Zolotoe kladbishche" Rimskoy epokhi v Prikubanye ["Golden Cemetery" of the Roman Age in the Kuban Region]. Saint Petersburg, Farn Publ., 1994. 172 p.

9. Zaytsev Yu.P., Mordvintseva V.I. Elitnyy nekropol 2 v. n. e. u tsentralnykh vorot Neapolya Skifskogo [The Elite Necropolis of the 2nd century A.D. near the Central Gate of the Scythian Neapolis]. *Drevnyaya Tavrika: Posvyashchaetsya 80-letiyu Tatyany Nikolaevny Vysotskoy* [Ancient Taurica. Dedicated to the 80th Birth Anniversary of Tatyana Nikolaevna Vysotskaya]. Simferopol, Universum Publ., 2007, pp. 81-108.

10. Krivosheev M.V. Vooruzhenie pozdnesarmatskogo vremeni Nizhnego Povolzhya [Armament of Late Sarmatian Time of the Lower Volga Region]. *Vooruzhenie sarmatov: regionalnaya tipologiya i khronologiya: doklady k VI Mezhdunarodnoy konferentsii "Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii", 21-25 aprelya 2008 g., g. Chelyabinsk* [Sarmatian Armament: Local Typology and Chronology. Reports to the 6th International Conference "Problems of Sarmatian Archaeology and History", April 21-25, 2008, Chelyabinsk]. Chelyabinsk, Yuzhno-Uralskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2007, pp. 65-70.

11. Kropotov V.V. *Fibuly sarmatskoy epokhi* [Fibulae of Sarmatian Epoch]. Kiev, ADEF-Ukraina Publ., 2010. 384 p.

12. Limberis N.Yu., Marchenko I.I. Tipologiya i khronologiya meotskikh zheleznykh nakonechnikov kopiy iz pamyatnikov pravoberezhya Kubani [Typology and Chronology of Maeotian Iron Spearheads From the Sites of the Kuban River Right Bank]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani. Vyp. 6* [Materials and Investigations on Archaeology of the Kuban Region. Iss. 6]. Krasnodar, Kubanskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2006, pp. 152-181.

13. Limberis N.Yu., Marchenko I.I. Podboynokatakombnye pogrebeniya iz meotskikh mogilnikov pravoberezhya Kubani [Chamber-Catacomb Graves From Maeotian Sites of the Kuban River Right Bank]. *Pogrebalnyy obryad rannikh kochevnikov Evrazii:*

Materialy VI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (11-15 maya 2011 g., Rostov-na-Donu, Kagalnik) [Burial Rites of Early Nomads of Eurasia. Proceedings of the 6th International Scientific Conference (May 11-15, 2011, Rostov-on-Don, Kagalnik)]. Rostov-on-Don, YuNTs RAN Publ., 2011, pp. 98-112.

14. Limberis N.Yu., Marchenko I.I. Pogrebenie sarmatskogo vsadnika na nekropole meotskogo gorodishha [Burial of a Sarmatian Horseman in the Cemetery of a Maeotian Hillfort]. *Evraziya v skifo-sarmatskoe vremya: Pamyati Iriny Ivanovny Gushchinoy: Trudy GIM. Vyp. 191* [Eurasia in Scythian-Sarmatian Times. In Memory of Irina Ivanovna Gushchina. Proceedings of the State Historical Museum, 191]. Moscow, Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey Publ., 2012, pp. 144-154.

15. Limberis N.Yu., Marchenko I.I. Vsadnicheskoe pogrebenie s umbonom iz Srednego Prikubanya [The Equestrian Burial with Umbo From the Middle Kuban Region]. *V poiskakh Oyuma. "Puti narodov". Stratum plus* [In Search of Oium. "Peoples' Paths". Stratum plus], 2013, no. 4, pp. 105-115.

16. Malashev V.Yu. Periodizatsiya remennykh garnitur pozdnesarmatskogo vremeni [Periodisation of Belt Fittings of the Late Sarmatian Period]. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu. Materialy i issledovaniya po arkheologii Dona. Vyp. 1* [Sarmatians and Their Neighbours in the Don Region. Materials and Research on Don Archaeology. Iss. 1]. Rostov-on-Don, Terra Publ., 2000, pp. 194-232.

17. Moshkova M.G. Srednesarmatskaya kultura [Middle Sarmatian Culture]. *Arkheologiya SSSR. Stepi evropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [USSR Archaeology. Steppes of European Part of the USSR in the Scythian and Sarmatian Times]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 191-202.

18. Zaytsev Yu.P., Voloshinov A.A., Kьhnelt E., Masyakin V.V., Mordvintseva V.I., Firsov K.B., Fless F. Pozdneskifskiy nekropol Zavetnoe (Alma-Kermen) 1-3 vv. n. e. v Yugo-Zapadnom Krymu. Raskopki 2004 g. [The Late Scythian Necropolis Zavetnoe (Alma-Kermen) of the 1st-3rd Centuries A.D. in the South-West Crimea. Excavations of 2004]. *Drevnyaya Tavrika: Posvyashchaetsya 80-letiyu Tatyany Nikolaevny Vysotskoy* [Ancient Taurica. Dedicated to the 80th Birth Anniversary of Tatyana Nikolaevna Vysotskaya]. Simferopol, Universum Publ., 2007, pp. 249-290.

19. Puzdrovskiy A.E. Pogrebeniya Bitakskogo mogilnika pervykh vekov n. e. s oruzhiem i konskoy uzdoy [Burials of Bitaksky Burial Ground of the First Centuries A.D. With Armament and Horse Bridle]. *Pozdnie skify Kryma: Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya. Vyp. 118* [The Late Skythians of Crimea: Proceedings of the State Historical Museum. Iss. 118]. Moscow, 2001, pp. 122-140.

20. Puzdrovskiy A.E. *Krymskaya Skifiya II v. do n. e. – III v. n. e. Pogrebalnye pamyatniki* [Crimean Scythia of the 2nd Century B.C. – 3rd Century A.D. Burial Monuments]. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2007. 480 p.
21. Puzdrovskiy A.E., Solomonenko A.E. Gruntovyy sklep 1–2 vv. n. e. s predmetami iz dereva iz Ust-Almingskogo nekropolya [The Catacomb of the 1st–2nd Centuries A.D. With Wooden Objects From the Ust-Alminsky Necropolis]. *Drevnyaya Tavrika: Posvyashchaetsya 80-letiyu Tatyany Nikolaevny Vysotskoy* [Ancient Taurica. Dedicated to the 80th Birth Anniversary of Tatyana Nikolaevna Vysotskaya]. Simferopol, Universum Publ., 2007, pp. 207–228.
22. Sazonov A.A. Mogilnik pervykh vekov nashey ery bliz khutora Gorodskogo [Burial Mound of the First Centuries A.D. Near Gorodskoy Hamlet]. *Voprosy arkheologii Adygei* [Issues on Archaeology of Adygea]. Majkop, Adygeyskiy NII ekonomiki, yazyka, literatury i istorii, 1992, pp. 244–274.
23. Sergatskov I.V. Mechi i kinzhaly v srednesarmatskikh pamyatnikakh Nizhnego Povolzhya [Swords and Daggers in the Middle Sarmatian Monuments of the Lower Volga Region]. *Vooruzhenie sarmatov: regionalnaya tipologiya i khronologiya: Doklady k VI Mezhdunarodnoy konferentsii “Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii”* [Sarmatian Armament: Local Typology and Chronology. Reports to the 6th International Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History”]. Chelyabinsk, Yuzhno-Uralskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2007, pp. 58–64.
24. Simonenko A.V. *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomorya* [Sarmatian Riders of North Pontic Region]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2010. 328 p. (Series “Historia Militaris”).
25. Skripkin A.S. *Aziatskaya Sarmatiya. Problemy khronologii i ee istoricheskiy aspekt* [Asian Sarmatia. Problems of Chronology and Its Historical Aspect]. Saratov, Izd-vo Saratovskogo un-ta Publ., 1990. 298 p.
26. Sokolskiy N.I. Derevoobrabatyvayushchee remeslo v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomorya [Wood Processing Craft in Ancient States of the North Black Sea Region]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 200 p. (Materials and Investigations on Archeology of the USSR; iss. 178).
27. Khazanov A.M. *Ocherki voennogo dela sarmatov* [Essays of Sarmatian Warfare]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 171 p.
28. Khrapunov I.N. Dve mogily s pogrebeniyami zhenshchin iz nekropolya Neyzats [Two Graves With Female Burials From the Neyzats Cemetery]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. Vyp. XIII* [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauria, XIII]. Simferopol, Krymskoe otdelenie Instituta vostokovedeniya im. A. E. Krymskogo Natsionalnoy akademii nauk Ukrainy, 2007, pp. 31–55.
29. Khrapunov I.N. Nekotorye itogi issledovaniy mogilnika Neyzats [Several Results of the Research of the Neyzats Burial Mound]. *Issledovaniya mogilnika Neyzats* [Exploring the Neyzats Burial Mound]. Simferopol, Dolya Publ., 2011, pp. 13–113.
30. Shelov D.B. Nekropol Tanaisa (raskopki 1955–1958 gg.) [Necropolis of Tanais (Excavations of 1955–1958)]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1961, 94 p. (Materials and Investigations on Archeology of the USSR; iss. 98).
31. Marchenko I.I., Limberis N.Ju. *Römische Importe in sarmatishen und maiotishen Denkmälern des Kubangebietes. Archaologie in Eurasien, 25*. Mainz, P. von Zabern (DAI Eurasien-Abteilung), 2008, pp. 262–400.

TWO CATACOMBS OF LATE SARMATIAN TIME FROM PASHKOVSKY BURIAL MOUND NO. 2

Natalya Yuryevna Limberis

Senior Researcher, Research Institute for Archaeology,
Kuban State University
meot@mail.ru
Stavropolskaya St., 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation

Ivan Ivanovich Marchenko

Candidate of Sciences (History), Professor, Department of Archaeology,
Ethnology, Ancient and Medieval History,
Kuban State University
meot@mail.ru
Stavropolskaya St., 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation

Abstract. The article deals with two burials from the Kuban basin region excavated in Pashkovsky burial mound no. 2 belonging to Maeotian Pashkovskoe ancient settlement. The burials were made in catacombs of similar construction and orientation. The narrow grave entrances and grave chambers are situated in-line. The grave chambers of the catacombs adjoin one other that probably was the reason for plunder of a little earlier burial no. 2. There were the complete horse skeleton, the cow skull and the sheep chap in the grave entrance of the catacomb no. 2. A skeleton of a man (about 50 years old) was in extended supine position diagonally across the grave chamber, his skull had SSW orientation. Grave goods found near the buried man include the gray-clay bowl and the mug-jar, the iron spearhead, the long sword and the dagger, the bit with wheel-shaped cheek-pieces, the sickle, the knives and the shoe buckles, the glass bead, the chalk rock bead, the bronze buckle and fibula.

The catacomb no. 2 plundered in ancient times situated north-ward of the first one, the southern border of the grave chamber is partially cutted by catacomb no. 1. In the grave entrance of the catacomb no. 1 there were the remains of the horse skeleton and the sheep skull. Grave goods scattered in grave chamber included the gray-clay bowl, pieces of chalk, the bronze ring, fragments of the iron buckle, rod, hasp, silver temple ring, bronze escutcheon for the box lock, the iron snap-up loop and fragments of silver flacon with a cover.

Late Sarmatian burial rites and grave goods give evidence of the belonging these burials to spokesmen of the equestrian order. The chronological range of the burials stays within terms from the second half of 2nd to the middle of 3rd century A.D. The lower date of the catacomb no. 1 turns toward the end of the 2nd century A.D., the upper date is limited by the first half of the 3rd century A.D. The catacomb no. 2 is stratigraphically older. The eques status of the buried man from the catacomb no. 1 is confirmed by anthropology data. It may be connected with great probability with the Sarmatians settled in the Maeotian hillforts.

Key words: Kuban basin, Maeotians, Sarmatians, ground burial mound, catacomb, sword, fibula.